

Н.Д.Калинин

Коимбрский философ на троне

О рационалистическом проекте режима Нового государства 1933—1974 гг. в Португалии

В статье анализируется теория «демократического платонизма» Нади Урбинати применительно к режиму Нового государства 1933—1974 гг. Образ премьер-министра Португалии Антониу ди Оливейры Салазара (1932—1968 гг.) и стиль его правления давали основание считать португальскую диктатуру рациональной и эффективной, что исключало либерализм и демократию из политического дискурса. Различные практики в области политики, идеологии и права позволяли создать закрытый технократический облик португальского режима, легитимацией которого являлась его рациональность в значении антипубличности. Автор данной статьи рассматривает влияние на Новое государство ряда философских концепций, а также вопрос об идейно-легитимном измерении португальского режима.

Ключевые слова: демократический платонизм, рационализм, технократия, Антониу Салазар, Новое государство.

DOI: 10.31857/S0044748X25030065

Статья поступила в редакцию 10.06.2024.

В 2024 г. исполнилось 50 лет «Революции гвоздик» — знаковому событию, от которого ряд исследователей отсчитывают так называемую третью волну демократизации*. В 1974 г. — столь же неожиданно для всей Европы, как в 1910 г., когда в Португалии произошла успешная республиканская революция, — была свергнута одна из самых стабильных диктатур XX в. — Новое государство (*Estado Novo*). В отечественной историографии у Антониу ди Оливейры Салазара (1932—1968 гг.) сложился образ загадочного младшего брата Франсиско Франко (1936—1975 гг.). О Новом государстве писали мало: своих хемингуэев и кольцовых у Португалии не было. Однако ключевые персоналии новейшей истории данной страны не теряют актуаль-

Никита Дмитриевич Калинин — студент Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 13, лит. Б, nikitadm01@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2661-4815).

* Разработанная американским политологом Сэмюэлом Хантингтоном концепция представляет волновую модель распространения демократии в мире. После первой волны демократизации в XIX в., прерванной Первой мировой войной, последовала вторая волна в межвоенный период, Третья волна приходится на последнюю треть XX в.

ности. Специфически технократическая, рационалистическая модель власти в Новом государстве не вызывала особого интереса исследователей. В большинстве трудов она лаконично описана как «кафедрократия», «технократия» и «корпоративизм», но подробного философски-политологического анализа проблемы предпринято не было.

Цель данного исследования — определить степень применимости рационалистического дискурса к режиму Нового государства. Методологической основой является концепция «демократического платонизма» Н.Урбинати, позволяющая отследить искажение демократических процедур в Португалии посредством обращения к закрыто-технократическому политическому менеджменту. Задача — подробно описать Новое государство как период «правления философов», что позволит открыть детали политического самопозиционирования Нового государства. Для этого были проанализированы суждения современников, политическая публицистика самого А.Салазара, а также нормативно-правовые документы эпохи и труды отечественных и зарубежных исследователей.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ РАЦИОНАЛИЗМ В САЛАЗАРОВСКОЙ ПОРТУГАЛИИ

В недавно вышедшей в свет монографии Н.Урбинати «Искажение демократии» формулируется концепция «демократического платонизма» [1]. Демократический платонизм представляет собой «поддержание мифа о царе-философе, пусть и переодетом в коллективные электоральные одежды» [1, с. 165]. Н.Урбинати понимает демократический платонизм как усовершенствование политической природы демократии за счет ее превращения в процесс получения «верных» результатов. «Верность» достигается экспертизой, которая в политическом дискурсе отделяет зерна от плевел и приходит к неким непротиворечивым и общеобязательным выводам. Демократический платонизм рассматривает достижение истины как ключевую цель демократического процесса. В связи с этим процедурная сторона демократии, позволяющая оценивать последнюю как самоценность, вытесняется эффективностью принятия решений. Жертвой такого вытеснения становится мнение — главный агент демократической процедуры. «Мнение заставляет смотреть на одни и те же вещи с разных точек зрения, осложняя познание истины этих вещей» [1, с. 62]. Подобный уклон в восприятии политического процесса Н.Урбинати называет «эпистемическим», что представляет собой причудливое сочетание идеологизированности и технократизма. То, что, как правило, представляют как антагонизм, сливается в плотный симбиоз, если мы допустим реализацию в современную эпоху платоновской идеи царя-философа. Стремление к благу, поставленное тут Платоном во главу угла, подразумевает, с одной стороны, осознание и стремление к высшим ценностям, а с другой — бескорыстие и социальную эффективность реализуемых действий. Эпистемический уклон стремится вытеснить из политического дискурса мнения, противоречащие реализации концептуально обоснованного блага: «Либо докса преобразуется в эпистему, либо ее необходимо исключить из политической сферы» [1, с. 74]. Легитимность в таком случае исходит не от мнения, а от знания.

Фундаментом демократического платонизма является рационализм. Для анализа политического содержания рационализма обратимся к классическому труду британского философа Майкла Оукшотта [2]. Оукшотт подхватывает афоризм немецкого социолога Макса Вебера о рационализации как о «расколдовывании мира», однако судит об этом куда менее позитивно, чем гейдельбергский

профессор. Рационализм и вправду позволяет сделать мир вокруг более осязаемым и понятным, однако объективность рационализма сомнительна. Рациональное поведение вписывается в абстрактную максиму древнегреческого философа Парменида «Выноси суждения путем разумного размышления». Абсолютизация этой максимы приводит к возникновению технократической автократии, действия которой постфактум обосновываются их рациональностью.

Однако, где описана эта рациональность? Конечной апелляционной инстанцией продолжает служить разум. Как констатирует М.Оукшотт, «Ничем не скованный человеческий разум является безошибочным советчиком в политической деятельности» [2, с. 9]. С содержательной точки зрения рационализм в политике де-факто не выходит за рамки афоризма «голова — предмет темный и исследованию не подлежит»*, но с формальной точки зрения он представляет собой выработку «объективных» решений, т.е. таких, которые за счет непричастности к процессам публичной политики могут претендовать на некую «истинность». Подобные решения в соответствии с эпистемическим уклоном можно считать «знанием». Рационалист достигает истинности и подо все ищет рациональное основание.

Рационалистическая политика тяготеет к совершенству и единообразию. Это — закономерно, ведь истина не может быть множественна. Хотя М.Оукшотт рассматривал рационализм, скорее, как модернистскую силу, платонический модуль рационализма может иметь и консервативный вектор, более уместный для рассматриваемой темы. Рационализацию М.Оукшотт описывает как борьбу идеологии с традицией. В нашем случае мы имеем дело с традицией, превращенной в идеологию. Органическое государство А.Салазара было консервативным по целям и модернистским по средствам, в котором традиция была идеологизирована ради ее деидеологизации.

Мы считаем, что с помощью концепции демократического платонизма можно, хотя и не исчерпываяще, охарактеризовать ряд явлений в символической политике и саморепрезентации режима Нового государства. Демократический платонизм в этом случае был представлен вдохновленным томистским рационализмом технократическим курсом А.Салазара и его сподвижников, реализованным в конституционных рамках парламентской республики. Необходимо остановиться на рассмотрении режима Нового государства как электорального авторитаризма, что позволяет аналитически поддерживать напряженную диалектику между авторитаризмом и демократией, не прибегая к полному вытеснению одного другим. А.Салазар, как и премьер-министр фашистской Италии Бенито Муссолини (1922—1943 гг.), формально являлся главой государства, назначенным председателем правительства, в связи с чем португальский историк Филиппи де Менесис саркастически называет А.Салазара квазидемократом [3, р. 185].

Политическое лидерство А.Салазара обеспечивала регулярно одерживавшая победу на выборах партия власти — идеологически рыхлый Национальный союз (*União Nacional, UN*), который не рекрутировал новых участников политического процесса с помощью парламентской конкуренции, а, скорее, исполнял функцию институционализации и концентрации элиты режима. В отличие от каудильо Испании Ф.Франко, режим которого (особенно на ранних этапах) соответствовал концептуальной логике идеи децезионистского (абсолютного, нераздельного) суверенитета знаменитого немецкого юриста Карла Шмитта, Новое государство вполне вписывалось в рутинную конституционно-правовую европейскую практику. Демонстративный отказ А.Салазара от поста главы государства должен был служить

* Отсылка к эпизоду из фильма М.Захарова «Формула любви».

подтверждением автономии и неперсонализированности конституционно-правовой базы Нового государства. Парламентский конституционализм Нового государства вместе с особой «нехаризматической харизмой» премьер-министра должен был создавать образ Португалии как, хотя и авторитарного, но легального и даже антикаудильистского государства, что было необходимо для его рациональной, технократической природы.

Технократизм Нового государства является итогом долгого интеллектуального развития португальского лидера. Молодой А.Салазар закончил католическую семинарию в городе Визеу и планировал получить сан, однако переориентировался на юридический факультет Коимбрского университета. Тем не менее духовная среда, окружавшая будущего премьер-министра в ранние годы, определила консервативно-католический базис его мировоззрения. Проникнутый духовными таинствами, А.Салазар увлекся философией томизма, которой продолжал интересоваться всю последующую жизнь. Все учение католической церкви, начиная с XIII в., строилось на трудах философа Фомы Аквинского, составленных как энциклопедии, в которых автор стремился объять все сферы человеческой жизни — как божественные, так и земные. А.Салазара привлекал культ вечных и неизблемых истин, который излучал томизм, а также его своеобразная допросвещенческая рациональность. Ангельский Доктор* писал: «Группа может распасться, если в ней нет того, что проявляет о ней заботу. И тело человека, как любого животного, разложилось бы, если бы в этом теле не было определенной ведущей силы, направленной на общее благо всех его частей. Между частями тела есть одна главная, которая может все, это — сердце либо голова. Следовательно, надо, чтобы в любой множественности было управляющее начало» [4]. Строгая иерархичность и схоластическая систематизированность томистского социального мира восхищала А.Салазара. Еще одной привлекательной стороной томизма была его аполитичность. Фома писал в то время, когда идеальное правление мыслилось слиянием *Regnum* (царская власть) и *Sacerdotium* (церковная власть), что можно понимать как правление государя и его слуг, исполненное божественной духовности. Томистская логика отрицает мелкий партикуляризм во имя духовного единства, а обывательское мнение во имя вечных истин. Фома призывает к созданию единого органического государства, в котором благое правление государя служило бы духовному развитию подданных. Томизм представляет собой гармонию веры и разума — то, чего в политическом руководстве так старался добиться А.Салазар. В дальнейшем португальский лидер назовет свое правление «господством интеллекта и мышления, при котором инстинкты подчинены разуму» [5, р. 87].

Специфическая рациональность, которой руководствовался А.Салазар, носила нелиберальный и недемократический характер. Речь, конечно, идет о философских предпосылках и этическом обосновании, а не о конкретных вызовах политической практики. А.Салазар считал португальский народ органическим сообществом, что влекло за собой необходимость выработки рационального курса, сочетающего в себе прагматизм и духовность. Однако томистская рациональность подчинялась общей логике рациональности как таковой, сформулированной М.Оукшоттом как аксиома: «Если часть общества не согласна с рациональным решением, значит, она иррациональна» [2, с. 12]. Последствием этого было закономерное отрицание идеи демократии. Демократия основывается на идее постоянного пересмотра и переустройства политического консенсуса. Демократия — это критика априорного. Можно сказать, что демократия лучше всех прочих форм правления справляется с задачей не сотворять себе политических кумиров. Одним из последствий этого является то, что демократическая

* Принятое в последующей схоластической традиции именование Фомы Аквинского.

форма правления часто бывает нестабильна и недолговечна. Беря за основу своего рода «плебисцитарный функционализм», демократия подвергается «ценностному обесцениванию»: традиционная легитимность, исходящая из априорной, сущностной самоценности правителя и политического режима, оказывается неактуальна для режима, который постоянно должен ориентироваться на колебания общественного мнения. Итальянский политолог Норберто Боббио справедливо указывает на то, что демократия подрывает традиционное (в веберовском смысле) представление о власти [1, с. 46]. В рассматриваемом в данном исследовании случае мы имеем дело с видимой напряженностью, возникшей между демократией и режимом Нового государства.

Приверженность к анализу и рациональность А.Салазара породили его специфический образ, который активно использовался Секретариатом национальной пропаганды. В народе культивировалась идея о том, что премьер-министр — ответственный, строгого относящийся к себе и другим, честный и неподкупный руководитель. Последняя черта призывалась за А.Салазаром даже его врагами. Португальский лидер и вправду жил очень скромно, почти не оставив ничего материально ценного после своей смерти. Примечательна мемориальная табличка, которая и поныне висит на его родном доме: «Здесь 28.04.1889 г. родился доктор Оливейра Салазар — сеньор, который правил и ничего не украл». Неподкупность и аскетизм породили образ правителя-монаха, радеющего о народном благе. 30 мая 1939 г. А.Салазар написал Арминдо Монтейру, тогдашнему послу Португалии в Лондоне, отказав ему в разрешении покинуть свой пост: «Вы прекрасно знаете, что я не стремлюсь ни к личным подвигам, ни к славе, ни к удовлетворению тщеславия. Я просто тот, кто жертвует собой, чтобы наилучшим образом управлять делами своей страны» [3, р. 178].

В своей работе «Конец режима: как закончились три европейские диктатуры» российский философ А.Г.Баунов* утверждает, что если Ф.Франко обладал архетипом воина-крестоносца, то А.Салазара, скорее, можно сравнить с «мудрым суровым пастырем и даже колдуном и алхимиком, который в библиотечной тиши придумывает рецепты народного счастья... Его строгий, почти епископский облик, длинное малоподвижное лицо с всегда аккуратно зачесанными назад волосами, скупая жестикация, тонкий голос проповедника прекрасно соответствовали его роли ученого диктатора-монаха» [6, с. 40]. Похожим образом характеризует А.Салазара один из его самых авторитетных биографов Ф. де Менесис: «Без мундира, без популярности, без контакта с толпой, без чрезвычайных полномочий он восстановил бы свое отечество и вернул бы ему процветание и мир, руководствуясь только светом гения и высшими добродетелями» [3, р. 180]. Отечественный историк Андрей Аркадьевич Щелчков отмечает среди качеств А.Салазара «острое чувство ответственности» [7, с. 239]. Это ценное качество должно было выделять лидера Нового государства на фоне «политиков» — архетипов времен Первой республики, которых Секретариат национальной пропаганды и лично премьер-министр считали политическими авантюристами, а не защитниками нации.

Антониу Ферру — ключевой для становления пропагандистской машины Нового государства человек — в 1932 г. взял интервью у А.Салазара и издал его в книге «Салазар. Человек и его дело». Беседу с премьер-министром А.Ферру афористично предваряет фразой «Португалия — это республика, это — единственная страна в мире, которой управляет мудрец» [7, с. 246]; платонический образ правителя очевиден. Именно такого образа лидера нации стремился добиться Секретариат национальной пропаганды. Другой апологет салаза-

* Признан Минюстом РФ иностранным агентом. — *Прим. ред.*

ризма, консервативный журналист Кошта Брошаду так выразил кредо официальной журналистики: «Для нас вчера, как и сегодня, есть только одна правда, один путь, один свет — Салазар» [7, с. 249]. Кардинал Мануэль Серегейра — один из влиятельнейших людей режима — любил напоминать своему старому университетскому товарищу о важности высокой миссии, возложенной на него: «Вы делаете работу, которая, в отличие от других, предназначена не только для настоящего момента: это работа, созданная для Бога... Сам Бог избрал вас, чтобы вы дали Португалии то, что Он сам хочет дать Португалии» [3, р. 364]. Французский композитор Эрве Ле Гран охарактеризовал А.Салазара как человека, «знающего только Бога и цифры» [8, р. 180]. В связи с этим полезно упомянуть недавно вышедшую в свет книгу итальянского историка Марко Феррари «Диктатор, который умер дважды», где дается красочная характеристика португальского лидера: «Он был тишиной, тайной, невидимкой, он был подобен Богу и стоял лишь на одну ступень ниже верховного небесного владыки. Ему нельзя было себя показывать. У него не было ни возраста, ни тела, ни чувств. Он не говорил прямо, а вещал, как оракул, иносказаниями и символами» [9, с. 14]. Это зафиксированное Феррари «противоречие между величием и скромностью» создавало причудливый оксюморон в пропаганде Нового государства.

Обладая католическим, долиберальным складом ума, А.Салазар отвергал не только демократическое представительство, но и авторитарную плебисцитарность — две конкурирующие модели родом из XIX в., основывающиеся на политике масс, где власть олицетворяла не высшие моральные идеалы и управленческую эффективность, а, если угодно, «плебейский функционализм». Этим вызвано его скептическое отношение к А.Гитлеру (1933—1945 гг.) и Б.Муссолини (1922—1945 гг.) — тоталитарным лидерам плебисцитарного происхождения, модель власти которых носила популистский, а, стало быть, основанный и сконцентрированный на массах характер. А.Салазар критиковал цезаризм Б.Муссолини, «который не признает никакого морального или правового порядка» [10, р. 84], и считал, что немецкий и итальянский режимы с трудом совместимы с христианской цивилизацией. Нелюбовь А.Салазара к массовой политике выразилась, в частности, в устройстве правящего *UN*, который был вовсе не похож на Немецкую национал-социалистическую рабочую партию (*Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, NSDAP*) или на Национальную фашистскую партию Италии (*Partito Nazionale Fascista, PNF*), институты которых активно внедрялись в повседневную социальную жизнь и привлекали в свои ряды из разных общественных групп, способствуя тем самым, если угодно, «ползучей тоталитаризации» и «омассовлению» общества. *UN* был, скорее, типичной «партией трона», в которую уже постфактум входили представители правящих элит. Численность партии колебалась в пределах 20–40 тыс. человек [11, с. 69]. *UN* должен был быть «организацией избранных», а не массовой партией с плебисцитарными амбициями. А.Салазар подтвердил эту точку зрения в своем интервью А.Ферру в 1932 г., где утверждал, что *UN* был создан «для того, чтобы разрушить дух партии или фракции» [12, р. 363].

Представления А.Салазара об элите вполне вписывались в теоретическую парадигму Вильфредо Парето — Гаэтано Моски — Роберта Михельса*. Именно элита придает массам осознанность и наделяет их организацией. Хотя заметим, что, сходясь с великими теоретиками по основанию, коимбрский профессор расходился с ними по вектору: если В.Парето,

* Суть парадигмы заключается в утверждении неизбежного руководства обществом посредством элит, на фоне чего демократия разоблачается авторами как фикция.

Г.Моска и Р.Михельс, утверждая безальтернативную власть элиты, исходили как бы «от противного», опираясь на постлиберальные и постдемократические соображения и опытным путем убедившись в невозможности осуществления целей либеральной парламентской демократии, то А.Салазар был, скорее, долиберален в своей критике демократии — идеалы Просвещения в целом и изначально казались ему более чем сомнительными. Рационализм А.Салазара был вдохновлен не лаицистским культом разума, а схоластической иерархической упорядоченностью, управляемой элитой. «Важнее создать элиту, чем научить всех читать» [5, р. 453], — говорил премьер-министр, что бесспорно можно считать приоритетом эффективности результатов правления в ущерб демократической процедурности.

Рассуждая о Новом государстве, видный советский ученый Рашид Мурадович Капланов также отмечает, что в мировоззрении А.Салазара гражданские права были важнее политических [13]. Это — важный момент для понимания демократического платонизма как в целом, так и применительно к Португалии. Гражданские права включают в себя право на жизнь, на свободу, право на имущество, на создание семьи, на честь и достоинство, тогда как политические подразумевают свободу совести, информации, свободу мирных собраний, пассивные и активные избирательные права. Заметно, что обсуждаемый выше томизм охотнее опирается на первую группу социальных регулятивов, чем на вторую. Гражданские права позволяют рационализировать толпу, сделать ее осознанной, стремящейся к единству организацией. Политические права же способствуют партикуляризации и смущению всеобщего единения. Гражданские права создают органическое сообщество, тогда как политические права разрушают его. Политические права рождают политические мнения, которые образуют политические партии, — продукт партикуляризма. Партия представлялась А.Салазару не только корыстолюбивой организацией, занимающейся политическим предпринимательством, но и группой лицемеров, якобы радующих за общее благо. Правление, основанное на народном волеизъявлении, всегда рискует скатиться к одной из двух крайностей — анархии или бонапартизму. Альтернативой этому А.Салазар считал технократическую умеренность, основанную на вечных духовных ценностях, неподверженных политическим бурям.

Духовное развитие подданных также провозглашалось приоритетной задачей Нового государства. Правда, это развитие должно было соответствовать, скорее, «пастве», чем «нации». От народа требовалось пассивное осознание, а не пассионарное действие. В 1932 г., в преддверии принятия новой конституции, была разработана обновленная образовательная политика, которая значительно укрепила «семью как ячейку общества», «веру как элемент национального единства и солидарности», а также «авторитет» и «уважение к иерархии» как «принципы общественной жизни» [12, р. 361]. В 1936 г. министерство образования было переименовано в министерство национального воспитания, что должно было подчеркнуть морально-патерналистский характер Нового государства. Имели место и интересные практики в культурной политике. Так, в 1935 г. была отпразднована 550-я годовщина битвы при Алжубарроте*, в 1938 г. прошел конкурс на «самую португальскую деревню», в 1940 г. был отпразднован двойной юбилей — основание и восстановление суверенитета Португалии, в 1947 г. —

* Сражение, произошедшее 14 августа 1385 г. между войсками короля Хуана I Кастильского и армией Жуана I Португальского в период «Португальского междоусобия».

800-летие взятие Лиссабона у мавров, а в 1960 г. отмечено 500-летие смерти Генриха Мореплавателя. Целью всех этих мероприятий, как и исторической пропаганды, отраженной в литературе и кинематографе, было укрепление «духовного суверенитета Португалии» [8]. Культурная политика А.Салазара должна была наполнить португальцев гордостью и исторической ностальгией, внушить им особую духовную укорененность: «Новое государство переосмыслило Португалию как оазис мира и внутреннего порядка, страну без проблем, служащую примером для других народов во времена кризиса» [10, p. 198].

Важнейшим инструментом духовного просвещения являлась церковь. Католическое духовенство пользовалось многочисленными льготами и играло важную роль в культуре, образовании и пропаганде Нового государства. Конкордат 1940 г. установил нормы фактического сотрудничества церкви и государства. В результате последующего пересмотра конституции католицизм был признан «религией португальской нации». Как заявил сам А.Салазар, Новое государство предоставило церкви «возможность реконструировать и вернуть ей ведущее положение в формировании португальской души» [8]. Папа Пий XII (1939—1958 гг.) считал Португалию образцом для подражания: «Господь даровал португальской нации образцового главу правительства» [12, p. 366].

А.Салазар оставил после себя небольшое собрание сочинений, укладываемое чуть более, чем в тысячу страниц. Как ни странно, профессор из Коимбры не любил много писать, а предпочитал обсуждать государственные вопросы по телефону. Тем не менее в его трудах, имеющих форму политической публицистики, прослеживается схоластическая строгость католического академизма. А.Салазар довольно много писал о так называемой Первой португальской республике 1910—1926 гг., которой противопоставлял Новое государство и ставил его в пример: «Институт президентства республики не был ни сильным, ни стабильным. Парламент постоянно устраивал спектакли дисгармонии, бунта, неспособности принимать законы или обструкционизма ... демонстрировал низкое качество работы. Министерством не хватало последовательности... Государственное управление, включающее управление муниципалитетами и колониями, было несогласованным и неэффективным; оно было ярким примером общей разобщенности, неравномерности, несогласованности действий, порождающих скептицизм, равнодушие, пессимизм духа. Беспорядок ... политический беспорядок» [5, p. 55].

В другом месте А.Салазар называет этот период истории (1910—1926 гг.) «Национальным беспорядком», прибавляя, что в Португалии «процесс парламентской демократии завершен», а «ее кризис универсален» [5, p. 74]. Термины, используемые премьер-министром, отражают иррациональность и хаотичность парламентского режима. Слово «беспорядок» употребляется не в вульгарном смысле, а означает отсутствие упорядоченной, иерархизированной, стремящейся к высшим идеалам гармонии. Несогласованность мнений и действий не может, по А.Салазару, привести к благополучию и духовной реализации португальской нации. Переход к «порядку» предполагал следование единому, четкому и грамотному курсу, сформулированному с научной точностью. С начала своей карьеры в качестве министра финансов, а потом премьер-министра А.Салазар придерживался курса технократизации правительства. Министрами его правительства часто были представители научных кругов. Так, в 1940 г. пять из девяти министров были профессорами, четверо из них — с факультета права Коимбры [11, с.69]. В это время даже появилось нарицательное выражение, обозначившее режим Нового государства как «кафедрокрания». Политику португальский лидер считал проявле-

нием несовершенства человеческой природы, ведущей к неупорядоченности, в перспективе приводящий к хаосу. «Конечно, политика как человеческое искусство будет существовать и будет нужна до тех пор, пока существуют люди; но правительство, похоже, все больше будет выполнять научную или техническую функцию», — предрекал премьер-министр [5, p. 449].

Когда А.Салазар разрабатывал архитектуру Нового государства, он вдохновлялся именно томизмом. Прежде всего это коснулось социально-экономических вопросов. В экономике был взят на вооружение корпоративизм как средство ликвидации классовых борб. Третий путь между капитализмом и коммунизмом был вдохновлен знаменитой энцикликой Льва XIII *Rerum Novarum* и португальской историей. И Понтифик, и А.Салазар считали необходимым ликвидировать из трудовых отношений и эксплуатацию, и забастовки. В португальском органическом государстве труд должен был быть созидательным коллективным действием. Не отрицая иерархию, португальский лидер отрицал капиталистическое (т.е. эксплуататорское) ее понимание. Иерархия должна была стать залогом не только экономической эффективности, но и социального мира. Разрывая антагонизмы иерархия — анархия и равенство — неравенство, А.Салазар призывал к построению пропорционального равенства по принципу «каждому — свое». Неравенство позиций предполагало равное (хотя и разное) участие в общем деле. Это была двойная отповедь капиталистическому неравноправию и коммунистическому эгалитаризму. Корпорации, которые уподоблялись средневековым ремесленным цехам и гильдиям, систематизировали все сферы промышленности и сельского хозяйства и должны были обеспечивать социальную гармонию и динамичное экономическое развитие. Это подкреплялось политикой так называемого промышленного кондиционирования, которое подразумевало контроль за появлением новых участников экономики с целью удержания социально-экономической стабильности. В качестве альтернативы либеральному *Laisses-faire** А.Салазар утвердил принцип «свободной ассоциации и юридической независимости», который на практике соответствовал авторитарно-конституционалистской природе Нового государства. основополагающими принципами экономики должны были стать гармония и эффективность, а не конкуренция.

Томизм в Новом государстве получил и политико-правовое развитие, утвердившись в тексте Конституции Португальской Республики 1933 г. Несмотря на то, что в соответствии с Основным законом страна объявлялась корпоративной республикой, общие черты парламентского порядка были сохранены. В связи с этим представляется объективной оценка режима Нового государства Р.М.Каплановым как «авторитарного конституционализма» [13]. Сохранение республиканского строя, институтов парламента и президента также можно рассматривать как имплементацию нехаризматического технократического курса А.Салазара, согласно которому институты были ценны своей функциональностью. Президент формально обладал регулирующей властью и контролировал формирование правительства. А.Салазар, всегда занимавший пост председателя правительства, со временем стал «делателем президентов», приглашая на пост главы государства лояльных к нему высокопоставленных военных. Такое положение дел один из наиболее видных португальских политиков и политический наследник А.Салазара Марселу Каэтану (1968—1974 гг.) назвал «прези-

* Разработанная французскими физиократами в XVIII в. политэкономическая доктрина, согласно которой государственное регулирование экономики и экономическое вмешательство должны быть минимальными.

денциализмом премьер-министра» [10, р. 49]. Основной закон содержит в себе многочисленные формулировки томистского типа, которые говорят о порядке и гармонии, царящих в органичном национальном государстве. Так, в статье 6 перечисляются обязанности государства, среди которых выделяются две: «способствовать моральному единству и устанавливать правовой порядок нации» и «координировать, поощрять и направлять всю общественную деятельность, поддерживая справедливую гармонию интересов при законном подчинении частных интересов общественным» [14]. Интересно изложен в статье 11 функционал государства: «Государство обеспечивает создание и защиту семьи как источника сохранения и развития расы, основы воспитания, дисциплины и социальной гармонии, а также основы всего политического строя посредством его объединения и представительства в приходских и городских советах» [14]. Квинтэссенцией португальской правовой схоластики является статья 20: «Общественное мнение является основополагающим элементом политики и управления страной; государство обязано защищать его от всех факторов, которые могут отвлечь его от истины, справедливости, надлежащего управления и общественного блага» [14].

«Всеобщее благо выше, чем сумма мнений всех частей», — заявлял А.Салазар, одновременно отдавая дань Фоме Аквинскому и Жан-Жаку Руссо. При этом это всеобщее благо А.Салазар понимал по-своему. Оно являлось для него административной макросущностью, а не самоуправляющимся политическим организмом. Хорошую формулировку, рассуждая о феномене всеобщего блага, предоставил французский философ Бертран де Жувенель: «Расплывчатый термин с изменчивым содержанием, нечеткость которого соответствует неопределенному характеру человеческих устремлений» [15, с. 77]. А.Салазар, проникнутый скепсисом к людям как таковым, был определенно уверен, что «человеческие устремления» носят «неопределенный характер», и потому нуждаются в мудром и стабильном руководстве. Это руководство не должно было напрямую зависеть от проясления народной воли: эффективность невозможна при неопределенности. Если всеобщее благо и обладает некоторой политической субъектностью, то она создается мудрыми действиями народных пастырей, а не самим народом, который не в силах постичь всей сложности организации человеческого общежития. Можно сказать, что в понимании всеобщего блага А.Салазар исходил из элитаристского конструктивизма, а не из демократического примордиализма. У А.Салазара не было постпросвещенческих иллюзий в духе фашизма, который не отвергал демократический суверенитет народа, а по-своему его интерпретировал; коимбрский профессор не хотел артикулировать народную волю, он хотел ее создавать. Демократический платонизм на португальской почве получил своеобразное конструктивистское измерение: в Новом государстве демократия существовала как призрачная связь между демосом и элитами-философами, а процедурная сторона демократии была выхолощена до уровня аккламации.

При этом, конечно, из политической биографии Нового государства нельзя исключать национализм — явление, не вполне свойственное Средневековью, которое так любил А.Салазар. Как ни странно, коимбрский профессор был националистом в современной понимании этого слова. «Современность» национализма предполагает произошедшую в последней трети XIX в. его социальную и антилиберальную ревизию. Когда в Европе в эпоху, отсчитывающуюся от 1789 г., сословно-монархические государства сменились национально-парламентскими, перед национализмом были поставлены два вопроса: о тождестве с прежде шедшим в ногу с национализмом либерализмом, объединившихся для ликвидации феодально-клерикаль-

ных пережитков сословного строя и создания развитого политического сообщества; об ответе на социальную проблематику, которую в качестве политического знамени подхватили марксизм и прочие левые политические группы. Дискуссии на эту тему привели к делиберализации национализма и к его вхождению в группу «отчетливо правых» политических идеологий, а добавление социальной переменной в формулу нации еще больше скрепило ее с государством — вдохновителем и инструментом обеспечения социального благополучия. Внимание приверженцев национализма переключилось с эмансипации нации на ее углубление и упрочение, а, в некоторых случаях, на расширение (читай империализм). Этого можно было достигнуть, если принять тезис о государстве как абсолютной форме трансцендентной нации, что подразумевает неразрывность или даже тождество государства с нацией. Можно сказать, что в результате этих процессов национализм в общем смысле пережил переход от национал-либерализма к национал-этатизму.

Готические философствования А.Салазара о католических ценностях, идеализме португальской деревни и Золотом веке Генриха Мореплывателя не должны сбивать с толку исследователей, позволяя им констатировать глубокий антимодернизм португальского диктатора. Опираясь на проанализированные выше взгляды А.Салазара, можно и вправду говорить о его мировоззренческом, т.е. личном, антимодернизме. Однако Новое государство должно было реагировать на вызовы времени. И его вождь, отвечая, пусть и на самые элементарные из них, использовал довольно модернистский инструментарий национализма, что выражалось, прежде всего, в символической политике режима. Полностью восстанавливать средневековую идиллию было невозможно, а, главное, не нужно. Это было непрактично хотя бы потому, что средневековая модель власти категорически не могла выполнять функций, предполагаемых национальным государством Новейшего времени. Никакой средневековый король не мог мечтать о такой расширенной и всеобъемлющей власти, которой обладали политические руководители — демократические и недемократические — в XX в. Абсолютный суверенитет полновластной руководящей элиты невообразим в реалиях Средневековья. Вот как пишет об этом Б.де Жувенель: «Средневековая власть была разделенной (с *Curia Regis*), ограниченной (другими властями, независимыми в их собственных пределах), и, самое главное, она не была суверенной... Средневековый суверенитет был всего лишь превосходством (от просторечного латинского *superanum*). Это качество, которым обладает власть, находящаяся выше всех других, над которой в данное время нет вышестоящей власти. Но из того, что право суверена — самое высокое, совершенно не следует, что оно имеет какую-то иную природу, чем права, над которыми оно возвышается: оно их не уничтожает, и оно не считается их источником или автором» [15, с. 56]. Средневековое общество как «многообразие взаимно ограничивающих друг друга властей» [15, с. 381] не могло обеспечить идеологизированного политического монизма, необходимого А.Салазару. В связи с этим «политическая медиевистика» Салазара носила ограниченный и во многом поверхностный характер: в ходе строительства и развития режима заимствовались отдельные элементы социальной жизни и политической культуры Средневековья, реальное содержание которых неизменно выхолащивалось в пользу символической формы, приемлемой для жизни, хотя и материально отсталого, но тем не менее исторически современного общества. Как пишут португальские исследователи, «как лидер нации он (А.Салазар. — *Н.К.*) осознавал неизбежность модернизации, но также остро осознавал угрозу, которую это представляло» [14, р. 358]. Автор другой работы отмечает, что

«салазаризм смешал традиционное и социально консервативное с высокоизбирательными аспектами современности» [8, p. 395].

Тонко подмеченная немецким социологом Карлом Маннгеймом политизация консерватизма, выступавшего против политики как таковой, привела к возникновению консервативного проекта нации, представлявшего собой нечто вроде осовремененного гоббсова «Левиафана», хорошо ложившегося на идею столь ценимого консерватизмом монархического абсолютизма. Впрочем, идею народа как единого сообщества можно найти у различных теоретиков более ранних эпох, в частности и у Фомы Аквинского. Учение о государственном суверенитете и божественном праве, вдохновленное Фомой, Томасом Гоббсом, Жаном Боденом, Робертом Филмером и прочими, стало консервативной отповедью просвещенческому проекту нации, тяготевшему к либерализму и демократии. В Новом государстве была предпринята попытка реализовать национальный суверенитет в консервативном духе, который предполагает политическую диалектику «паствы» и «пастыря». А.Салазар видел португальскую нацию такой паствой, которую он как пастырь должен был направлять по истинному пути: «Португалия управляется оригинальной политической системой и уникальной географией, которые отличны от всех остальных. Хотелось бы, чтобы мы хорошо понимали, что мы не просто отбросили ошибки и пороки ложного либерализма и ложной демократии, чтобы потом делать еще большие ошибки, но для того, чтобы реорганизовать и укрепить страну принципами власти, порядка, национальных традиций, примириться с теми вечными истинами, которые, к счастью, являются достоянием человечества и уделом христианской цивилизации» [5, p. 162].

В приведенном выше кратком обзоре мы постарались передать образ Нового государства как «царства разума», который закладывался в конституционные и символические основы режима и активно тиражировался Секретариатом национальной пропаганды. Демократический платонизм применительно к Португалии представлял собой попытку заменить демократические процедуры эффективным и ценностно укорененным технократическим правительством во главе с верховным лидером-авторитетом, равнодушным к земным благам и исполненным высшим моральным превосходством. Схоластический рационализм А.Салазара и политический строй Нового государства вписываются в сформулированную немецким политическим философом Яном-Вернером Мюллером теорию «морализованного антиплюрализма», который Я.-В.Мюллер выделяет как ключевую составляющую популизма. Платоническая коррекция демократии привела к сущностному опустошению демократии. Популизм А.Салазара был популизмом без *populus*. Отталкиваясь от народа, он демонстративно замыкался в себе. По крайней мере, таким он хотел себя видеть.

Консервативно-технократический проект Нового государства, описанный в трудах его создателя и представленный различными символическими практиками, является плодом самопозиционирования режима. Новое государство, поэтически обрисованное А.Салазаром и его сподвижниками, находится, скорее, в сфере должного, чем сущего. В данной работе совсем не затрагивается материалистическая (то есть, по сути, реальная, представленная на практике) сторона португальской диктатуры, включающая в себя качество государственного управления, экономическую эффективность, уровень жизни населения, политические репрессии и прочее. Тем не менее сфера идеологии и символической политики позволяет понять стремления и цели архитекторов режима. То, что на практике получается обычно хуже,

чем задумывалось, — тема другого исследования. Символическая политика режима и речи премьер-министра, исполненные духа томистской мудрости, не могли исключать присущие любой диктатуре структурные пороки. Ограниченный статус салазаровского «технократического абсолютизма» был обусловлен внутренним плюрализмом португальского режима: А.Салазар никогда не забывал, что, несмотря на широту полномочий, его власть, прежде всего, имеет цену как общий знаменатель между различными группами, входящими в правящую элиту. К тому же отсутствие сильного монополистического капитала и городских политизированных масс, союз с церковью и консервативной аристократией делали невозможным осуществление идей А.Салазара в их полном, тоталитарном виде.

В заключение хотелось бы процитировать фрагмент речи диктатора, произнесенной им в Браге в 1966 г. по случаю 40-летия Национальной революции 1926 г.: «Мы живем в критический момент мировой истории. Все находится в кризисе или подвергается критике — мораль, религия, свобода человека, социальная организация, расширение государства, экономические режимы, сама нация и преимущества ее независимости или интеграция с другими странами для формирования больших экономических и политических пространств. Само понятие Родины подвергается сомнению в Европе... Самые чистые души обеспокоены, они встревожены, они не знают, как себя вести, сориентироваться и, исполненные муками, хотят повторить вопрос Пилата, обращенный к самому Христу: “Что есть истина?”» [10, р. 345]. Именно на этот вопрос А.Салазар и стремился ответить всю свою политическую карьеру. Насколько оказался верен ответ коимбрского профессора? Вероятно, это показали события 50-летней давности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ. М., Изд-во Ин-та Гайдара, 2016, 443 с. [Urbinati N. Iskazhennaja demokratija. Mnenie, istina i narod [Distorted democracy. Opinion, truth and people]. Moscow, Izd-vo In-ta Gajdara, 2016, 443 p. (In Russ.).]
2. Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М., Идея-Пресс, 2002, 285 с. [Oukshot M. Racionalizm v politike i drugie stat'i [Rationalism in politics and other articles]. Moscow, Ideja-Press, 2002, 285 p. (In Russ.).]
3. De Meneses F.R. Salazar: a political biography, 2009, New York, Enigma Books, 644 p.
4. Tommaso d'Aquino. De Regimine Principum; traduzione e introduzione di Antero Meozzi. Lanciano, R. Carabba, 1923, 206 p.
5. Oliveira Salazar A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. Obra Completa. Vol. I-VI. Coimbra, Coimbra Editora, 2016, 1140 p.
6. Баунов А.Г. Конец режима. Как закончились три европейские диктатуры. М., Альпина Паблишер, 2023, 534 с. [Baunov A.G. Konec rezhima. Kak zakonchilis' tri evropejskie diktatury [The end of the regime. How three European dictatorships ended]. Moscow, Al'pina Pablisher, 2023, 534 p. (In Russ.).]
7. Щелчков А.А. Антониу Ферру: виртуоз салазаризма. Пропаганда, идеология, культура «Нового государства». *Латиноамериканский исторический альманах*, 2020, № 28, сс. 237-255 [Shhelchkov A.A. Antoniu Ferru: virtuoaz salazarizma [Antonio Ferru: virtuoso of Salazarism. Propaganda, ideology, culture of the “New State”]. *Propaganda, ideologija, kul'tura "Novogo gosudarstva"*. *Latino-amerikanskij istoricheskij al'manah*, 2020, N 28, pp. 237-255 (In Russ.).]
8. Corkill D., Almeida J.C.P. Commemoration and Propaganda in Salazar's Portugal: The 'Mundo Português' Exposition of 1940. *Journal of Contemporary History*, 2009, vol. 44, N 3, pp. 381-99. Available at: <http://www.jstor.org/stable/40543040> (accessed 18.04.2024).
9. Феррари М. Диктатор, который умер дважды: Невероятная история Антониу Салазара. М., Альпина Паблишер, 2024, 224 с. [Ferrari M. Diktator, kotoryj umer dvazhdy: Nevero-jatnaja istorija Antoniu Salazara [The Dictator Who Died Twice: The Incredible Story of António Salazar]. Moscow, Al'pina Pablisher, 2024, 224 p. (In Russ.).]

Никита Калинин

10. Gallagher T. Salazar: The Dictator Who Refused to Die. London, Hurst Publishers, 2020, 372 p.

11. Шепелев М.А. Салазаризм как политический стиль. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*, 2022, № 2, сс. 64-79 [Shepelev M.A. Salazarizm kak politicheskij stil' [Salazarism as a political style]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija*, 2022, N 2, pp. 64-79. (In Russ.).

12. Pinto A.C., Rezola M.I. Political Catholicism, Crisis of Democracy and Salazar's New State in Portugal. *Totalitarian Movements and Political Religions*, 2007, vol. 8, N 2, pp. 353-368.

13. Капланов Р.М. Португалия после второй мировой войны, 1945-1974. М., Наука, 1992, 186 с. [Kaplanov R.M. Portugalija posle vtoroj mirovoj vojny, 1945-1974 [Portugal after the Second World War, 1945-1974]. Moscow, Nauka, 1992, 186 p. (In Russ.).

14. Political Constitution of the Portuguese Republic of 1933 [Electronic resource]. Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=1084> (accessed 19.04.2024).

15. Жувенель де Б. Власть. Естественная история ее возрастания. М., ИРИСЭН: Мысль, 2010, 544 с. [Zhuvenel' de B. Vlast'. Estestvennaja istorija ee vozrastanija [Power. Natural history of its growth]. Moscow, IRISJeN: Mysl', 2010, 544 p. (In Russ.).

Nikita D.Kalinin (nikitadm01@mail.ru)
Student of St. Petersburg State University

Universitetskaya nab., 13, lit. B, St. Petersburg, Russian Federation

The philosopher of Coimbra on the throne: speaking of the rationalistic project of the regime of the New State of 1933—1974

Abstract. The article examines the theory of "democratic platonism" by N. Urbinati in relation to the regime of the New state in 1933—1974. The image and style of Prime Minister Antonio de Oliveira Salazar allowed the Portuguese dictatorship to be endowed with the appearance of rationality and efficiency, which excluded liberalism and democracy from political discourse. Various practices in the field of politics, ideology, and law made it possible to create a closed-technocratic image of the Portuguese regime, legitimized by its rationality in the sense of anti-publicity. The influence of a number of philosophical concepts on the New state is considered, as well as the ideological and legitimation dimension of the Portuguese regime is problematized.

Key words: democratic platonism, rationalism, technocracy, Antonio Salazar, the New State.

DOI: 10.31857/S0044748X25030065

Received 10.06.2024.